

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. Ю. ШВЕДОВА

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕГО ПАРАДИГМ¹

В «Грамматике» 1970 г. (далее — Гр70) предложено формальное описание структурных схем простого предложения и его парадигм, теоретическими основаниями которого являются положения: 1) о необходимости разграничения формального и функционального аспектов и о примате в грамматическом описании аспекта формального — в обязательном сочетании с характеристикой семантики форм и их функций; 2) о структурной схеме предложения как об элементарном грамматическом образце, имеющем свою собственную организацию и свое собственное значение; 3) о существовании системы форм предложения — парадигмы, выявляющей частные стороны его грамматического значения — предикативности; 4) о грамматической природе парадигмы предложения и о необходимости отграничения ее от тех многообразных и не всегда собственно грамматических связей и отношений предложения, которые можно назвать его «полем»; 5) о несовпадении в предложении категорий его грамматической и семантической структуры и о наличии целых комплексов ограничений, накладываемых семантикой предложения на его грамматическое поведение.

Как сами эти положения, так и их практическое осуществление в Гр70 вызвали обсуждение и споры². Это заставляет дополнительно обосновать принятые решения и сопоставить их с другими возможными решениями.

¹ Настоящая статья является кратким ответом на отзывы и замечания, высказанные по поводу построения раздела «Простое предложение» в «Грамматике» 1970 г. Этот ответ по условиям места не может охватить всех проблем, вокруг которых развернулись споры. Здесь выделены два центральных вопроса. Проблемам детерминации предложения автор посвящает отдельную статью (ФН, 1973, 5). Практические ответы на многие пожелания и предложения читатели найдут в выпущенном Институтом русского языка АН СССР «Проспекте „Русской грамматики“» (М., 1972, ротапринт).

² Гр70 получила разбор и оценки в следующих публикациях: 1) Н. П. Билимович, Префиксальное глагольное словообразование в современном русском литературном языке, сб. «Русское словообразование» («Труды Самаркандск. ун-та», Новая серия, 209), Самарканд, 1972, стр. 301—309; 2) А. В. Бондарко, В. И. Кодохов, О новой модели описания грамматического строя русского языка, ВЯ, 1971, 6, стр. 31—45; 3) Д. Ворт, Морфотактика и морфофонемика, сб. «Актуальные проблемы русского словообразования. I. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сент. 1972 г.)», Самарканд, 1972, стр. 397—403; 4) его же, Морфонология нулевой аффиксации в русском словообразовании, ВЯ, 1972, 6; 5) К. В. Горшкова, М. В. Панов, А. С. Попов, К проблемам грамматики современного русского литературного языка, ИАН ОЛЯ, 1972, 4, стр. 328—339; 6) И. Н. Кручинина, [Хроника симпозиума, посвященного обсуждению «Грамматики» 1970 г.], ВЯ, 1972, 3, стр. 159—166. Стенограмма симпозиума (машинопись) находится в секторе грамматики и истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР; 7) М. Кубик, К вопросу о классификации простого предложения в новой академической грамматике русского языка, «Československá rusistika», XVII, 1972, 2, стр. 65—69; 8) Ю. В. Люкшин, Обсуждение «Грамматики современного русского литературного языка» на кафедре русского языка ЛГУ, ФН,

1. Вопрос о принципах выделения и разграничения структурных схем простого предложения — один из центральных вопросов синтаксиса. Прежде всего он важен для описательной грамматики, которая, если она претендует на хотя бы относительную полноту, обязательно должна содержать в себе исчерпывающий список этих схем. В первую очередь здесь следует решить вопрос о границах схемы, т. е. о том, где проходит раздел между строевыми компонентами самой схемы и ее облигаторными распространителями. Известно, что здесь определились сейчас — в самом общем виде — два возможных решения: 1) элементарной схемой предложения считается нераспространенная структура, обладающая грамматической достаточностью (т. е. такая конструкция, ни один из компонентов которой не может быть изъят без того, чтобы сама эта конструкция не разрушилась как грамматическое единство), а все ее распространители, включая и информативно облигаторные, выводятся за границы схемы как минимальной структуры; 2) элементарной схемой считается структура, обладающая грамматической и информативной достаточностью; поэтому все информативно облигаторные распространители считаются обязательными компонентами схемы. Соответственно, согласно первой точке зрения, в предложении *Брат пишет письмо* реализуется схема $N_1 - V_i$, а имя в вин. падеже является облигаторным распространителем глагола; в предложении *С женщиной обморок* реализуется номинативная схема (N_{N_i}), а твор. падеж со значением субъекта является распространителем предложения, необходимым для полного обнаружения его семантической, но не грамматической структуры. Согласно второй точке зрения, оба эти предложения являются нераспространенными, реализующими минимальные грамматические образцы.

Первая точка зрения восходит к сложившемуся в русской грамматической традиции пониманию границ нераспространенного предложения и соотношения предложения и словосочетания. Вторая представляет западноевропейскую традицию; эта точка зрения развивается сейчас и многими советскими лингвистами. В Гр 70 принято первое решение. Какие

1972, 4, стр. 104—106; 9) А. И. Моисеев, Грамматика современного русского литературного языка, «Р. яз. в шк.», 1972, 4, стр. 106—113; 10) З. Д. Попова, [рец. на кн.:], «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, «Р. яз. в нац. шк.», 1972, 2, стр. 91—94; 11) И. П. Распопов, О так называемых детерминирующих членах простого предложения, ВЯ, 1972, 6; 12) А. Н. Тихонов, С. А. Емельянова, Виды, способы действия и словообразование, сб. «Русское словообразование», стр. 293—300; 13) А. Н. Тихонов, О построении и содержании раздела «Словообразование» в «Грамматике современного русского литературного языка», там же, стр. 286—292; 14) А. Н. Тихонов, Русская морфемика, там же, стр. 282—285; 15) М. Эпельт, Новые течения в русской грамматике, «Язык и литература», Таллин, 1972, стр. 123—125 [на эст. яз.]; 16) В. Н. Ярцева, Н. Д. Арутюнова, [рец. на кн.:] «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, «Вестник АН СССР», 1972, 4, стр. 144—147; 17) Н. К ř í ř k o v á, O. L e š k a, K nové sovětské mluvnické současné spisovné ruštiny, «Československá rusistika», XVI, 1971, 5, стр. 220—225; 18) J. P u z u n i n a, Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970. Рецензия на разделы «Введение в морфемiku» и «Словообразование», «Slavia orientalis», 1972, 2, стр. 231—235; 19) J. R y b á k, Poznámky k ireálnej potenciálnej a reálnej podmienke, «Československá rusistika», XVII, 1972, 2, стр. 69—73; 20) J. W a w r u ŋ c z y k, [рец. на кн.:] «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, «Język rosyjski», 1971, 3 стр. 21; 188) R. Z i m e k, O nové sovětské akademické gramatice ruštiny, Olomouc, 1971, 70 стр.; 22) V l. S t r a k o v á, Z d. S k o u m a l o v á, K oddilu tvoření slov v nové sovětské mluvnické ruštiny, «Československá rusistika», 1972, 4; 23) А. Кристенсен, К вопросу о двусоставности/односоставности простых предложений типа *Тишина*, «Scando-Slavica», XVII, 1971, стр. 189—191; 24) Е. S e k a n i n o v á, Nove pohľady na kategóriu slovesného vidu, «Jazykovedný časopis», XXIII, 1972, 2, стр. 192—197. В дальнейшем изложении эти отзывы и рецензии обозначаются соответствующими цифрами.

же возражения оно вызывает? В суммированном виде возражения эти следующие.

1) Схемы имеют морфологический вид, их первичные характеристики и символические изображения обнаруживают морфологизм в описании синтаксического объекта (6 — Н. Д. Арутюнова и др.; 17). Схема предложения всегда глагольна; поэтому безглагольных схем нет: это эллипсис (6 — Л. С. Бархударов; 5). 2) В предложенном понимании структурная схема часто представляет коммуникативно недостаточное предложение типа *Я встретил (друга), Он очутился (на улице), Пушкин — современник (Гоголя), Линия А параллельна (линии В)*. Чтобы избежать такой «несмысленности», при определении минимальных схем необходимо учитывать не только левую, но и правую валентность (6 — Т. П. Ломтев, Л. Дежёв в др.; 7, 17). 3) Инвентарь схем — очень дробный, в нем не показано соотношение схем по употребительности, они не сгруппированы в функционально взаимосвязанные ряды (6 — Е. Кржижкова, Р. Ружичка, Д. Н. Шмелев и др.; 2, 5, 17). 4) При характеристике схем не учитывается семантика предложений, строящихся по этим схемам; внимание к этой стороне необходимо вызвало бы дальнейшую дифференциацию обобщенно представленных грамматических образцов (6 — Д. Н. Шмелев и др.; 2). 5) В понимании границ схемы обнаруживается противоречие: в некоторых случаях в состав схемы вводятся распространители: *Э того разговора не миновать; Денег не достать* (6 — Е. Кржижкова; 7, 17); *Он поступил директором; Она лежит больная* (7). 6) Отсутствует четкое разграничение свободных и фразеологизированных схем; эти последние не нашли точного определения (6 — Т. А. Тулина, Г. А. Золотова).

Соответственно предлагается: трактовать структурную схему предложения как всегда имеющую в своем составе глагол; все так называемые безглагольные схемы рассматривать как эллиптированные, с незанятой позицией Vf; расширить границы двухкомпонентных схем до трех- и четырехкомпонентных, включив в состав схемы все ее облигаторные распространители; положить в основу разграничения схем не только их формальный вид, но и семантические типы строящихся на их основе предложений; пересмотреть самый инвентарь схем в направлении их большей дифференциации, а в некоторых случаях, напротив, обобщения; уточнить понимание компонента схемы, определить точно понятие фразеологизированной схемы в ее отличии от схемы свободной.

Обратимся к анализу этих критических замечаний и рекомендаций. Безусловно справедливы все замечания, касающиеся отсутствия в Гр70 четкого определения фразеологизированных структурных схем, самого понятия синтаксического фразеологизма; замечания о том, что схемы не представлены как группирующиеся в определенные синтаксические блоки (например, Adv_d Gen: *Много народу* и Gen.: *Народу!*); о том, что в отдельных случаях возможен пересмотр самой номенклатуры схем. Верно также, что наряду с собственно формальными целесообразны и функциональные группировки материала, при которых «синтаксический чemoдан» окажется «уложенным удобно для пользования» (6 — Н. Д. Арутюнова). Это — особая задача, осуществление которой станет возможным только тогда, когда будут фронтально изучены все типы семантических структур предложений разной грамматической организации.

В то же время осуществление других рекомендаций было бы возможно лишь при условии отказа от принятого в Гр70 понимания самой природы предложения, действия в его пределах разных «механизмов» языковой системы, соотношения в грамматике формы, ее значения и назначения.

1) В русской грамматической традиции, начиная с Шахматова, укрепилось признание безглагольных предложений как самостоятельных и полных синтаксических конструкций, имеющих статус абстрактных грамматических образцов. Осуществленные во многих трудах разносторонние и многоаспектные изучения материалов как письменной, так и разговорной речи, современных и относящихся к предшествующим периодам развития русского языка, доказали научную обоснованность такого понимания и обнажили всю искусственность «удобной» и облегченной трактовки русских безглагольных предложений как эллиптированных образований³. Поэтому в Гр70 безглагольные схемы предложений описываются как самостоятельные образования, без обращения к идеально примысливаемому глаголу. Тезис о том, что в русском языке «безглагольные предложения вряд ли возможны» (5; см. также 23), звучит по меньшей мере как ничем не подтверждаемый анахронизм.

На каких основаниях выводятся в Гр70 структурные схемы простого предложения? Таким основанием служит совокупность следующих признаков: 1) формальная организация, т. е. определенным образом соположенные словесные компоненты — формы слов тех или иных категорий (в однокомпонентных схемах — одна форма); 2) отношение, возникающее между этими компонентами (в неоднocomпонентных схемах) 3) грамматическое значение, присущее схеме предложения как абстрактной языковой единице (предикативность); 4) система форм (парадигма); 5) непарадигматические модификационные свойства (виды регулярных реализаций). Эта многоаспектная характеристика в необходимых случаях дополняется указанием на дистрибутивные свойства (детерминация) и на лексико-семантические ограничения или их отсутствие.

Морфологично ли такое описание, строящееся на целом комплексе формальных, абстрактно-смысловых и «поведенческих» признаков предложения? Представляется, что морфологизм здесь можно усмотреть только в том случае, если остановиться на первом шаге описания, т. е. на символическом изображении схемы, и не видеть всех последующих. Символическое изображение схемы, действительно, не включает в себя ни индекса отношения (в двухкомпонентных схемах это может быть стрелка, указывающая на направление зависимости, которое, кстати, не всегда можно установить; но в однокомпонентных схемах такой индекс уже исключен; следовательно, индекс отношения не может быть введен в символическое изображение схемы как обязательный и всеобщий), ни индекса значения, ни индекса наполнения, ни индексов дистрибуции и разнообразного синтаксического поведения. Конечно, можно представить себе такое изображение схемы, которое включит в себя все такие специально придуманные индексы; это изображение будет „синтаксичным“, но крайне сложным и непонятным. В Гр70 за формулой, изображающей внешнее устройство схемы, стоит понимание ее как многомерной синтаксической единицы и, соответственно, многоаспектный анализ: рассмотрение внешней организации схемы (здесь «морфологизм» кончается), отношений между ее компонентами, ее грамматического значения, правил ее наполнения, ее дистрибутивных свойств, ее парадигмы, ее регулярных реализаций и ее функций.

Если бы оппоненты показали, что в Гр70 на основании чисто внешнего вида представлены как отдельные, самостоятельные такие схемы, которые объединяются общностью всех других перечисленных характеристик, то тогда следовало бы поставить вопрос о единстве их грамматического типа,

³ Этот вопрос хорошо изложен в ст.: Н. Савицкий, О синтаксическом типе *Деньги есть/денег нет* в русском и украинском языках, «Československá rusistika», XVII, 1972, 4.

т. е. об объединении таких схем в одну — конечно, только при условии определенных черт общности их исходной формальной организации.

2) Странно было бы отрицать тот факт, что предложения *Я встретил Я очутился, Линия А параллельна, Пушкин — современник* и т. д. для коммуникативной достаточности требуют распространителя. Но распространителя чего? Любой словарь покажет на большом и достоверном материале, что слова *встретить, очутиться, параллельный* и т. д. необходимо требуют распространителей: глагол *встретить* сильно управляет вин. падежом, при глаголе *очутиться* осуществляется связь сильного примыкания (*очутиться где, у кого, в каком месте*), *параллельный* требует чему и т. д. Это — сильные присловные связи, исходящие от слова в любой его позиции в предложении: *Встретить друга радостно; Очутившись в западне искали выхода; Он начертил линию Б, параллельную линии А* и т. д. Самоочевидности присловного характера подобных связей не может быть противопоставлено ничего, кроме чисто умозрительной и недоказуемой идеи об инкорпорированности в таких конструкциях целых предложений.

Если включать сильные присловные связи — и соответствующие позиции зависимых форм — в структурную схему предложения, то, помимо того, что это будет ошибкой по существу (так как синтаксические потенции слова принадлежат другому уровню синтаксиса, нежели строение предложения), количество структурных схем предложения не только возрастет до количества типов сильных присловных связей, но и должно будет быть еще помножено на число всех других схем с теми же распространителями. Так, например, разными схемами окажутся: 1) *Я (много) читаю*; 2) *Я читаю книги*; 3) *Я читаю о космонавтах...*; соответственно: 1) *Мое любимое занятие — читать*; 2) *Мое любимое занятие — читать книги*; 3) *Мое любимое занятие — читать о космонавтах...* Точно так же разными схемами будут: 1) *Мать беспокоится*; 2) *Мать беспокоится о детях*; 3) *Мать воспитывает детей*; 4) *Мать все отдает детям...* Соответственно разными схемами окажутся: 1) *Удел матерей — беспокоиться*; 2) *Удел матерей — беспокоиться о детях*; 3) *Удел матерей — воспитывать детей*; 4) *Удел матерей — все отдавать детям* и т. д. и т. д. Не ясно ли, что такое описание, сместив и исказив реальную картину отношений между синтаксическими потенциями слова и абстрактными образцами предложения, окажется, во-первых, лишенным своего собственного объекта; во-вторых, бесконечно дублирующим типы распространителей, изображаемых как элементарные составляющие самой схемы; в-третьих, принципиально неисчерпывающим, так как валентностные возможности слов — сфера открытая: на наших глазах постоянно возникают все новые и новые сильные присловные связи (в отличие от структурных схем предложения, обладающих исключительной стабильностью).

Предложения *Я очутился здесь, Я встретил друга, Я слышу чудакom (за чудака), Я нахожусь в городе, Я читаю книгу, Я беспокоюсь о детях* построены по одной и той же элементарной схеме: N_1 — VI; финитные глаголы, занимающие в них позицию сказуемого, своими собственно словесными свойствами с необходимостью предопределяют наличие при них распространителя, который при других глаголах (*Я сплю, Я гуляю*) окажется необязательным. Относить подобные случаи к элементарной грамматической типологии предложений — значит снимать проблему синтаксических потенций слова (реализующихся, естественно, прежде всего — но не единственно! — тогда, когда слово в той или иной своей форме входит в предложение и занимает в нем определенную позицию)⁴.

⁴ Углубленная разработка «семантических формул» (SF) глаголов у Фр. Данеша (F. D a n e š, Pokus o strukturní analýzu slovesných významů, SaS, 1971, 3) следующим

Бесспорно, что на семантическом (содержательном) уровне присловное «происхождение» распространителей оказывается несущественным: семантическая структура предложений *Я очутился здесь* или *Я встретил друга* элементарна, так же, как элементарна семантическая структура предложений с детерминантами типа *Мне холодно*, *Ученику надоело в школе*. Грамматический и семантический аспекты при анализе предложения должны не смешиваться, а последовательно разграничиваться: каждый из них имеет свои собственные категории и свои собственные минимальные образцы.

В связи с вопросом о месте распространителей в предложении следует сказать о случаях типа *Этого разговора не миновать*, *Города не узнать*. В негированных инфинитивных предложениях со значением невозможности формы род. падежа не относятся к сфере присловных связей, так как, во-первых, негация и, соответственно, предопределенные ею формы всегда относятся к уровню предложения; во-вторых, на уровне реализаций синтаксических потенций слова значения невозможности не возникает. Верно то, что в Гр70 эти случаи не объяснены, а просто названы, и это создает видимость противоречия. Что же касается случаев типа *Она лежит больная*, то здесь позицию сказуемого занимает группа, возникающая в предложении в результате сочетания глагола и прилагательного в целостный сказуемый комплекс (связь не присловная; см. §§ 1294 и 1445).

3) В Гр70 нет рассмотрения предложений под семантическим углом зрения; там не определяются ни категории семантической структуры предложения, ни самые типы этих структур. Это — недостаток, но не упущение, так как систематическое изучение семантической структуры русского и — шире — славянского предложения только начинается, и эти изучения пока не дают материалов для хотя бы предварительных обобщений. Безусловно, семантические характеристики позволили бы тоньше дифференцировать материал и отвели бы упреки в чрезмерной обобщенности описания (прежде всего — в области правил детерминации предложения, его парадигматики и регулярных реализаций). Такие характеристики должны найти место в описательной грамматике. Однако, вводя новый аспект описания, семантические характеристики в принципе не изменят принятых критериев для выделения структурных схем предложения и самой их номенклатуры. Уже сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что элементарные категории семантической структуры предложения не совпадают с категориями его грамматической структуры и далеко не всегда на них накладываются. Анализ детерминантов и присловных распространителей с субъектным, субъектно-локальным, объектным значением свидетельствует о том, что такие категории семантической структуры предложения, как субъект и объект, свободно формируются за пределами элементарной грамматической структуры предложения. Поэтому неубедительны аргументы в пользу включения субъектных детерминантов в минимальную грамматическую схему предложения⁵.

Шагом необходимо предполагает типологию глагольных валентностей, на которую будет опираться «семантическая формула предложения». Установив на основе семантической типологии глагольного слова все его сильные правовалентные распространители (левовалентные распространители дадут гораздо более обобщенные классы, совсем иначе дифференцированные как грамматически, так и семантически), исследователь окажется перед необходимостью либо пересмотреть свой тезис о включении N₄ в грамматическую схему предложения, либо весьма существенно расширить круг таких схем, включив в него все случаи с сильной приглагольной связью.

⁵ Опыт семантического анализа предложения на основе этих теоретических положений см.: Н. Ю. Шведова, О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов», М., 1973.

Исходя из тезиса о глубоком внутреннем различии категорий грамматической и семантической структуры предложения, подтверждаемого в последние годы работами исследователей, идущих разными путями к изучению одного и того же лингвистического объекта, мы не можем признать конструктивными рекомендации о включении субъектных и объектных распространителей в число показателей, разграничивающих элементарные грамматические образцы предложения.

2. Понятие парадигмы предложения было введено почти одновременно учеными разных направлений; в это понятие вкладывается разное содержание⁶. Каковы бы ни были разногласия, современная описательная грамматика уже не может обойти молчанием вопрос о парадигме предложения. В Гр70 впервые дано описание синтаксических парадигм, понимаемых здесь как системы форм предложения, объединенных общим значением предикативности и обнаруживающих разные ее стороны как те или иные грамматализованные соотношения объективно-модальных и временных значений.

Были отмечены достоинства и недостатки избранного решения. Здесь мы суммируем и рассмотрим только критические оценки. Возражения сводятся к следующему.

1) Парадигма морфологична: синтаксические изменения подменяются изменениями глагола. Если бы для исходной формы было введено необходимое понятие «нуля глагола», то вообще не о чем было бы говорить, так как перед нами предстала бы глагольная парадигма в ее чистом виде (6 — Е. В. Падучева и др.; 5, 8). То, что парадигма предложения представлена на основе парадигмы глагола противоречит «правилам изоморфизма разных уровней», так как на других уровнях, например, в морфологии, парадигма создается не формами единиц предшествующего уровня, а разными его единицами (6 — А. И. Моисеев). 2) Парадигма мнима: в синтаксическом индикативе сама схема не изменяется, следовательно, показанные формы нельзя считать изменениями схемы; в ирреальных же наклонениях появляются новые схемы (*Ночь — Была ночь*); следовательно, и здесь нет изменения схемы (6 — А. В. Бондарко, В. А. Ицкович; 2, 5). 3) Количество форм предложения — семь — установлено произвольно: их может быть и меньше, и больше. Следовало бы включить в число форм предложения модификации с лексически выраженной долженствительностью, необходимостью, возможностью и т. д.: *Я еду — Я должен (могу, готов...) ехать* (6 — В. И. Чернов), отрицательные и вопросительные предложения, глагольно представленные изменения лица, разные способы актуализации (6 — Г. А. Золотова, И. П. Распопов), пассив (6 — Л. С. Бархударов). 4) Парадигма «заяла абсолютистские позиции». На деле она есть далеко не у всех предложений: все виды синтаксической ирреальности лишены временных значений и, следовательно, не подходят под принятое содержательное определение парадигм (6 — В. И. Чернов). 5) В описании отдельных форм предложений — побудительной, долженствительной — не учитываются транспозиции, которые не позволяют трактовать эти формы как самостоятельные синтаксические образования (6 — Н. Савицкий, 17). 6) В парадигму попадают искусственные, «специально придуманные» конструкции (2, 5, 6). 7) Не объяснены причины неполноты парадигм (6 — Г. А. Золотова и др.). Рассмотрим эти возражения.

1) При том понимании структурной схемы предложения, которое принято в Гр70, формообразующим средством в парадигме выступает не

⁶ См.: Ю. М. Костинский, Вопросы синтаксической парадигматики, ВЯ, 1969, 5. См. также: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972, стр. 336—339, где отмечены преимущества решения, предложенного в Гр70.

только глагольное слово, но и синтаксические частицы: *бы* (и ее модификации), *пусть*, *пускай*, устар. *да*, а также порядок соположения компонентов. Формы синтаксического индикатива образуются комбинацией двух единиц: самой схемы и глагольного форманта (место форманта по отношению к компонентам схемы грамматически определено). В схемах с Vf таким формантом оказывается форма самого глагола с его временным значением (ср. известный тезис Ельмслева об отнесенности глагольных морфем к предложению в целом); в схеме без Vf — служебное глагольное слово, вводимое по определенным правилам. Формы ирреальных наклонений образуются комбинацией глагольных форм, синтаксических частиц и формально значимого соположения компонентов схемы. Перед нами — формообразующее действие разных единиц предшествующего (морфологического) уровня в сочетании с собственно синтаксическими факторами. Таким образом, форма предложения, подобно форме слова, строится сочетанием «основы» (структурной схемы) с неким служебным формантом, несущим частное грамматическое значение: в слове — морфологическое (числовое, личное и т. п.), в предложении — синтаксическое (объективно-модальное и временное).

2) Признание безглагольных схем абстрактными грамматическими образцами (см. выше) несовместимо с введением *есть* в предложения типа *Ночь темна, Всего вдоволь, Мороз* и т. п. Значимое отсутствие глагола (понятие «нулевого глагола» в Гр70 не вводится именно потому, что за ним стоит эллиipsis) — это не «опущение» или «подразумевание» глагола, а отсутствие его позиции в схеме. Поэтому *был*, *будет* в формах прошедшего и будущего времени выступают не как представители позиции глагола в схеме, а как свободно вводимые и выводимые чисто служебные временные показатели.

Признавая предложения типа *Ночь* полной реализацией безглагольной схемы, мы, вслед за В. В. Виноградовым, не можем видеть во втором члене соотношения *Ночь — Была ночь* реализацию схемы $N_1 - Vf$. В этом соотношении *Была ночь* двусоставно лишь внешне: оно не представляет видоизменения двусоставной глагольной схемы. А. Кристенсен (23), сопоставляя формулировки из наших статей разных лет, приходит к выводу о колебаниях и о противоречивости решения этого вопроса в Гр70. Верно, что в первых статьях, посвященных парадигме предложения, формулировки могли бы быть более точными. Однако по существу свое решение не менялось. Противоречие усматривается в том, что, признавая в *Была тишина* формальную двусоставность (как же можно ее отрицать?), мы видим здесь все же одно из видоизменений односоставного предложения. Так оно и есть. Оппоненты (5, 6, 23 и др.) обязательно хотят видеть в *Была тишина* однозначность глагола (= «существовала»). Но при этом забываются два важные обстоятельства.

а) Вопрос этот неправомерно решать только по отношению к одному данному типу так называемых односоставных предложений (N_{N_1}). Сопоставимы ряды (1) *Холодно — Зима — Пора ехать — Здесь не пройти — Времени мало* и (2) *Было (будет...) холодно — Была (будет...) зима — Пора было/была (будет...) ехать — Здесь было (будет...) не пройти — Времени было (будет...) мало*. Никто не возражает против того, что во всех членах второго ряда, кроме *Была (будет) зима*, глагол выступает в роли формального временного показателя, и только в *Была (будет) зима* его служебность отрицается. Между тем само соотношение рядов (1) и (2) уже говорит о том, что односоставные предложения разных типов свободно и нормально принимают в свой состав формы глагола *быть* в его служебном значении как показатели синтаксического времени. По отношению к *Была (будет) зима* сложность

заключается в совпадении вторых членов двух разных соотношений: а) *Есть зима* (— *Зима-то хоть у вас там есть?*—*Есть зима, как же*) — *Была зима* и б) *Зима* — *Была зима* и, как следствие, в возможном неразличении лексико-грамматического качества глагола в отдельных речевых ситуациях (впрочем, в таких ситуациях вступают в действие, во-первых, различительные средства актуализации — словопорядок и интонация, во-вторых, дистрибутивные свойства предложений; ср. темпорально-квантитативную детерминацию как показатель однозначности глагола: *Ветер подует с берега, зашуршат метелками промороженные тростники. И долго, очень долго будет зима* (В. Белов, Привычное дело). Но нет никаких оснований для того, чтобы, перед лицом реального двучленного соотношения *Есть зима* — *Зима*, отрицать внутреннюю двучленность комплекса *Была зима*, т. е. его способность представлять формы прошедшего времени этих двух разных предложений и, соответственно, «заложенность» в этом комплексе разного лексико-грамматического качества глагола *быть*.

б) Почему-то все споры ведутся только вокруг одного семантического типа так называемых номинативных предложений — собственно бытийных. По-видимому, принимается как бесспорное положение о том, что другие семантические типы в пределах той же структуры не принимают глагола *быть* в формах прошедшего и будущего времени (В. Грабе, А. Е. Михневич и др.). Однако это неверно: эти формы принимаются и другими — разными — семантическими типами номинативных предложений⁷. Вот только два из очень многих возможных примеров: *Кот сделал попытку ползть еще выше, но дальше был потолок* (Булгаков, Театр. роман, 1, 12); *А Красаки место большое: перейти низину, будет новый холм, а там еще* (М. Пришвин, Бабыя лужа, II). Формообразующая роль глагольного слова здесь очевидна. Конечно, в речи есть случаи «неразличения»; однако они не могут изменить общей грамматической картины.

3) Парадигматические изменения предложения на модально-временной оси обнаруживают частные значения предикативности — реальность и ирреальность, с дальнейшими внутренними грамматическими делениями, которые представляют частные синтаксические категории внутри общей категории предикативности (временное значение в формах ирреальных наклонений есть: это значение временной неопределенности, противопоставляющее их формам синтаксического индикатива, объединенных значением временной определенности). Эти категории имеют узкий, собственно грамматический круг средств своего выражения (см. о формах предложения в Гр70 — §§ 1354—1356). Принадлежащие языковой системе разные соотношения этих — и только этих — средств, закрепившие за собой определенные абстрактные грамматические значения, образуют закрытую систему форм предложения. Эта система восьмичленна (в Гр70 в целях облегчения изложения из состава парадигм исключены формы условного наклонения, никогда не употребляющиеся в независимой позиции; см. об этом на стр. 582). Она — в разных своих воплощениях (полнота/неполнота парадигм) — охватывает все типы предложений, имеющих формоизменение. Поэтому произвольным оказывается не установление границ этой грамматической системы так, как она дана в языке, а стремление расширить или сузить эту систему на основании неясных представлений о том, что же является собственно грамматическим из-

⁷ Материалы см. в нашей статье «О соотношении грамматической и семантической структуры предложения».

менением именно данной структурной схемы предложения и где кончается это изменение и начинаются явления совсем другого порядка: во-первых, функциональные соотношения данной схемы с другими схемами (*Есть деньги — Нет денег*); во-вторых, соотношения разных моделей актуализации (*Поезд идет — Идет поезд*); в-третьих, лексические введения, меняющие заодно и грамматический тип предложения (*Я еду — Я должен ехать*); в-четвертых, далеко не универсальные правила негации; в-пятых, ограниченные определенной группой глаголов семантико-грамматические соотношения внутри одной и той же структурной схемы предложения (актив — пассив); в-шестых, вообще не имеющие отношения к синтаксической парадигме изменения личных форм глагола в сказуемом, диктуемые личным значением подлежащего (*Я еду — Ты едешь — Он едет*); в-седьмых, наконец, разнообразные субъективно-модальные осложнения, наслаивающиеся на грамматическое значение формы.

Если бы оппоненты указали, что при определении состава парадигм в Гр70 были упущены какие-то характеристики того же уровня, к которому относятся собственно грамматические средства формирования синтаксических объективно-модальных и временных значений, они были бы правы. Но таких указаний не последовало. Те же рекомендации, которые основываются на неразличении границ между грамматической парадигмой предложения и его функционально-смысловым «полем» (пусть в ряде случаев отдельные сегменты этого «поля» и имеют свои формальные характеристики), при описании грамматической парадигмы нельзя признать конструктивными. В то же время несомненно, что функциональный синтаксис не может обойтись без изучения такого «поля» и без его всесторонних характеристик, объединяющих разные аспекты: грамматические, лексические, собственно коммуникативные.

4) Вопрос о транспозициях — не бесспорный⁸. Тезис о том, что долженствовательное значение предложений, строящихся с так называемой «формой 2-го лица ед. числа повелит. накл.», возникло как перенос повелительного значения, — антиисторичен. В современном языке значение долженствовательности также существует не как переносное. Конструкции с формой на *-и, -ь* предстают в пяти самостоятельных значениях: 1) побудительность, 2) долженствовательность, 3) условность, 4) желательность и 5) неожиданность и завершенность одноразового действия в прошлом; генезис последнего значения ставит его на грань омонимии с первыми четырьмя значениями, представляющими многозначность. Что же касается транспонирования побудительности в значение согласия, допущения, принятия (*Пусть боль!*), то это — одна из широко и свободно реализующихся функций данной формы, несколько не ослабляющая ее основного грамматического значения (ср. речевую транспозицию синтаксических форм желательности в семантическую сферу отрицания: *Хоть бы позволил!* значит «не позволил»; *Хоть бы глоток воды!* значит «ни глотка воды», или форм побудительности в семантическую сферу долженствования: *Пусть никто не играет с огнем!* значит «никто не должен...»).

5) Парадигма предложения в Гр70 строится с учетом двух форм литературного языка — письменной и разговорной, внутри письменной формы — с учетом разных функциональных стилей, поэтической речи и т. д. Естественно, что в парадигме, представляющей языковые противопостав-

⁸ См.: Н. Ю. Шведова, О долженствовательном наклонении, сб. «Синтаксис и норма» (в печати); ее же, Синтаксическое желательное наклонение, сб. «Современные проблемы литературоведения и языкознания» (в печати).

ления в целом, оказываются объединенными формы разного стилистического качества, разной степени употребительности (это специально оговаривается в §§ 1356—1357): важно, что они образуются и, значит, занимают свое место в системе. Многие явления, фиксируемые в записях разговорной речи, в письменных источниках не фиксируются. Упрек в придумывании искусственных форм — тяжелый упрек для языковеда. Поэтому мы вынуждены привести здесь хотя бы некоторые материалы, подтверждающие возможность образования тех форм, которые в Гр70 даны без «оправдательных» цитат.

В. И. Кодухов (2) полагает, что «высказывание» типа *Начинает становиться не о чем говорить* «искусственно»; по-видимому, искусственным кажется сочетание фазового и связочного глагола в односоставном предложении без Vf. Но см. у Л. Толстого: *Скоро перестало быть слышно барабаны* (Посмертные записки старца Федора Кузьмича, 1). Фазовые глаголы вообще довольно свободно входят в реализации схем, создавая кажущиеся на первый взгляд необычными сочетания, например: *Париж вдруг представился каким-то скучным, так что даже и побываешь в нем вдруг перестало хотеться* (Булгаков, Театр. роман, 1, 5). Нет сомнения, что если бы Гр70 дала модель реализации схемы Vf₃₃ Inf (*Хочется побывать*) с фазовым глаголом (*Перестало хотеться побывать*), то и здесь последовал бы упрек в искусственности такого образования.

Многих смущают формы долженствовательности с *будь*. Искусственными кажутся формы типа *У нас будь тишина* (а вам можно шуметь?), *В доме всегда будь тепло* (а сам даже дров не принесет), *И дом будь ее, и сад* (а мы — куда хочешь). Эти примеры почерпнуты из записей разговорной речи. Но см. в письменном источнике: *До религии правительству не более дела, как до поваренного искусства: будь покорность законом, а желудок и совесть должны быть совершенно свободны* (П. Вяземский — А. Тургеневу, 6 дек. 1818 г. Ост. архив, I). В письменной речи широко фиксируются такие формы с условным значением: *Стала бы Дуся ругаться с директором, будь в цехах тепло?* (К. пр. 4 X 69). А. С. Попов (5) считает «специально придуманной» форму *Пусть прибывает народу!* Но ср.: *Сестра выставляет под стреху кленовый ушат — пускай насобирается дождевой воды* (Пр. 14 I 73). В записи разговорной речи: *Ей все время денег не хватает. — Как это не хватает? Надо укладываться. Пусть хватает. С отрицанием: Спешу на выручку, других зови, Пусть не найдется дураглих и жестких!* (А. Яшин, Твоя родина). Автору этих строк пришлось принять упреки в «искусственности» форм желательного наклонения типа *Не приведишь тебе увидеть такое! Окажись бы рядом друзья!* Но см. у А. Твардовского: *Но если было суждено Все это, все в зачет, Не доведись хоть то одно, Чему еще черед. Не доведись вам за войну, Жена, сестра иль мать, Своих живых солдата в плену Во очью увидашь* (Дом у дороги, V); *Она долго не решалась. Никому не приведишь судом у родных детей помощи требовать* (ВМ, 25 X 72). Можно было бы продолжить эти перечни. Однако думается, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы предостеречь против поспешных суждений об «искусственности» тех или иных кажущихся необычными форм: редкость фиксаций, яркая стилистическая окрашенность, принадлежность живой разговорной речи (к которой часто еще, к сожалению, подпадают с меркой привычных стандартов речи письменной) не делают приведенные формы ни ошибочными, ни тем более «придуманскими» и не выводят их за пределы общезыковых отношений.

6) Причины неполноты парадигм лежат в сфере семантики предложения. В Гр70 нет описания семантической структуры предложения, поэтому в главах о парадигмах отсутствуют объяснения причин их неполноты. Вопрос этот требует больших специальных исследований.

Авторы «Грамматики» 1970 г. неоднократно подчеркивали, что они ни в коей мере не претендуют на единственность и окончательность своих решений. Гр70, введя большое количество новых, ранее не фиксировавшихся в грамматиках материалов и предложив их нетрадиционные классификации, стимулировала оживленное обсуждение центральных вопросов теории. В ходе этого обсуждения оказались непосредственно сопоставленными самые разные научные концепции. И в первую очередь в этом нужно видеть значение этой книги.